

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ  
В.Я. БРЮСОВА  
Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ  
BRUSOV STATE UNIVERSITY

**БРЮСОВСКИЕ  
ЧТЕНИЯ  
2024**

**ԲՐՅՈՒՍՈՎՅԱՆ  
ԸՆԹԵՐՑՈՒՄՆԵՐ  
2024**

**BRUSOV READINGS  
2024**

**ԵՐԵՎԱՆ – ԵՐԵՎԱՆ – YEREVAN  
2024**

САРАФЯН Д.Р.,  
САФАРИАН Л.А.

*Государственный университет  
имени В.Я. Брюсова*

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ  
ПЕРЕВОДОВ В. БРЮСОВА И АРМЯНСКИХ  
ПЕРЕВОДЧИКОВ «НА ЛЬДИСТОЙ ВЕРШИНЕ» Г. ГЕЙНЕ  
И «НОВОГО КОЛУМБА» Ф. НИЦШЕ**

**Ключевые слова:** *В. Брюсов, Ф. Ницше, И. Гёте, Г. Гейне, ницшеанство, Е. Чаренц, В. Терьян, А. Мовсес, переводы.*

Первый перевод из немецкой поэзии В. Брюсов выполнил за два года до переводов из римской поэзии и за три года до перевода из французской поэзии. В основном русского поэта интересовали немецкие поэты-классики, в частности, И. Гёте, Г. Гейне, а также ряд современников — Ф. Ницше, М. Бартель и др. Также В. Брюсов переводил Ф. Эверса, С. Георге, Р. Демеля и других авторов.

Русский поэт особо тяготел к XVI в., поскольку его привлекали переломные эпохи. Именно в Германии в начале XVI в. началась Реформация, которую ряд историков считает первой в Европе буржуазной революцией. В романе «Огненный ангел» Брюсов изобразил Корнелия Агриппу Неттестеймского, немецкого натурфилософа, оккультиста и алхимика (1486–1535). В целом роман овеян немецкой культурой XVI в.

Немецкая тематика затронута также в брюсовском цикле стихов «Сны человечества» (стихотворения «Das Weib und der Tod. Женщина и смерть. Немецкая гравюра XVI в.» и «Пляска смерти. Немецкая гравюра XVI в.»). Сами заголовки стихотворений относятся к немецким ксилографиям XV–XVI вв.

Одним из самых переводимых немецких поэтов в России на протяжении XIX в. был великий немецкий романтик Г. Гейне. Как отмечал Н. Берковский, «Ни один западный поэт, после Байрона, не приобрел в русской литературе такой славы и любви, какой

пользовался Гейне с 30-х гг. прошлого века» [Берковский 1956:5].

Брюсов полагал, что «Гейне — это болезнь, которую должен пережить каждый из пишущих стихи. Я знал немецкий язык довольно посредственно, я понимал не все даже со словарем, но угадывать было еще сладостнее, чем знать <...> Из своих переводов Гейне припоминаю один, где мне удалось — еще тогда — уловить особенности немецкого размера, на который отважился Тютчев, но которых боятся новые переводчики Гейне: “Проходят годы, уходят...”». [Брюсов 1994:153].

Перевод В. Брюсова стихотворения Г. Гейне «На льдистой вершине» — второй после отрывка из «Фауста» Гёте. Автограф датирован ноябрем 1888 г. При этом было еще два варианта перевода стихотворения. Первый вариант датирован октябрем, а второй — также ноябрем, и он наиболее близок к окончательному переводу, тогда как первый вариант существенно отличается от окончательного. Впоследствии В. Брюсов неоднократно возвращался к творчеству немецкого поэта, вплоть до 18 марта 1921 г., в ходе работы над переводом «Гренадеров».

На армянский язык поэтический шедевр Г. Гейне перевел также выдающийся армянский поэт В. Терьян. Примечательно, что он переводил не с немецкого языка, а с подстрочника, составленного П. Макинцяном. Перевод В. Терьяна впервые был опубликован в четвертом томе «Собрания сочинений» автора. В архиве поэта сохранились также два других варианта перевода данного стихотворения.

При этом стихотворение Г. Гейне было многократно переведено на русский язык различными авторами, в том числе Ф. Тютчевым, А. Фетом, М. Лермонтовым и другими.

<b>«Ein Fichtenbaum»</b>	<b>«На льдистой вершине»</b>	<b>«Մի եղևնի է կանգնած»</b>	<b>Подстрочник</b>
Ein Fichtenbaum steht einsam Im norden auf kahler Höh'. Ihn schläfert; mit weißer	льдистой вершине» На льдистой вершине, далеко от юга, Кедр гордо	Մի եղևնի է կանգնած միայնակ Մառը հյուսիսում, բարձունքի վրա: Նրիհում է: Քնուշ, գլուխ ու ճերմակ	Сосна стоит одиноко На Севере на голый вершине Она засыпает, Белой накидкой

Decke	в дремоте	Չյունից է հյուսած	Покрывают
Umhüllen ihn	стоит.	հազուստը նրա:	ее
Eis und	Его		Лед и снег
Schnee.	засыпает	Ու երազին մի արմավ է	
	шумящая	սեւնում,	Она мечтает о
Er träumt von	вьюга	Որ այն հեռավոր	пальме,
einer Palme,	И грозно	երկրում արևկա	Которая
Die, fern im	метель	Թախծում է լին,	далеко на
Morgenland,	вкруг	մենակ երազում	Востоке,
Einsam und	шумит.	Արևից այրված սեւ	Одиноко и
schweigend	И снится	Ժայռի վրա...	молчаливо.
trauert	ему далеко		На горящей
Auf	за морями		скале
brennender	В		
Felsenwand.	роскошной,		
	но знойной		
	земле		
	Прекрасная		
	пальма		
	качает		
	ветвями		
	И грезит о		
	снежной		
	скале.		
[Брюсов	[там	[Տերյան 973:289]	
1994:672]	же:673]		

Примечательно уже самое первое слово немецкого текста. Слово «Fichte» переводится на русский язык с немецкого как «ель», «сосна», и, как и в русском языке, в немецком оно женского рода. Г. Гейне прибавил к корню «Fichte» суффикс «baum», вследствие чего слово стало мужского рода. История, изложенная в стихотворении, как бы приобретает несколько иной смысл, трансформируясь в грезу мужчины о далекой, прекрасной и недостижимой женщине. Слово «Fichtenbaum» В. Брюсов перевел как «кедр», а В. Терьян — «եղևնի» (ель). С точки зрения эмоциональной нагрузки русскому поэту удалось передать мужское начало гейневского слова «Fichtenbaum», при том что само слово «кедр» по смыслу ближе к русской действительности

и в семантическом плане несколько отдалено от немецкого оригинала.

Во второй строке первой строфы В. Брюсов создает образ кедра, который «гордо стоит», в то время как Г. Гейне создает несколько иную картину оцепенения, сна, метели, и образ гордого кедра, использованный В. Брюсовым, в определенном смысле отделяется от атмосферы зимнего сна немецкого текста. В стихотворении Г. Гейне ощущается налет грусти, печали и мечтательности, тогда как В. Брюсов в своем переводе создает образ гордого кедра, вокруг которого бушует вьюга. Образ, созданный В. Брюсовым, отходит от меланхолического настроения Г. Гейне. В. Терьян в своем переводе сумел, на наш взгляд, более рельефно передать общую атмосферу нежной грусти, зимнего сна, что подчеркивается использованием таких слов, как «*ŭhrhnu t*», «*ŕŕnŕ*», тогда как «шумящая вьюга», «грозно метель вокруг шумит» брюсовского перевода создают не меланхолическую, а несколько грозную атмосферу, что искажает настрой немецкого текста.

Первая строфа стихотворения Г. Гейне призвана создать атмосферу Севера, зимы и холода, в более широком плане — реальности, тогда как вторая — атмосферу Востока, жаркого и страстного, мечты, к которой стремится человек, особенно в минуты жизненных бурь и холодных вьюг. Гейневское «*im Norden*» (на севере) в переводе В. Брюсова звучит «далеко от юга». Расплывчатая формулировка несколько уменьшает контраст Север-Юг, мечта-реальность, который создает и подчеркивает Г. Гейне. А В. Терьян придерживается контраста, в его переводе использовано именно словосочетание «*uŕnr hnŭŕhnu*».

Вторая строфа немецкого стихотворения посвящена таинственному Востоку, как символу недостижимой мечты, где в одиночестве ожидает своего часа прекрасная пальма, столь же одинокая в своем прекрасном краю, как и сосна на холодном Севере. Именно щемящее чувство одиночества объединяет представителей разных миров в стихотворении Г. Гейне. Место действия второй строфы — «*Im Morgenland*» — поэтическое

обозначение Востока — в переводе В. Брюсова трансформировалось в «далеко за морями / В роскошной, но знойной земле», тем самым создается мифический образ Востока. В. Терьян также использует выражение «հեռավոր երկրով արևիկ»». Очевидно, что оба поэта стремились создать таинственный образ некой далекой прекрасной части света, о которой можно только грезить. При этом, если у Г. Гейне прекрасная пальма грустит, то у В. Брюсова она «грезит о снежной скале». Закругленности сюжета в немецком тексте нет, и пальма как символ мечты, женщины, счастья, также ждет своего часа, но при этом она не мечтает именно о снежной скале. В. Брюсов привнес свое понимание сюжета, тогда как В. Терьян в своем переводе максимально близок к оригиналу: «Թախծով է լռիւն, սենակ երազով / Արևից արված սէպ ժայռի վրա...».

Подводя итоги, отметим, что в лирическом шедевре Г. Гейне прослеживается ряд взаимосвязанных тем и мотивов: разлука влюбленных, одиночество, холод, которым окутан лирический герой произведения, недостижимость мечты, болезненный разрыв между иллюзией и реальностью, невозможность обрести счастье в жестоком и холодном мире, родство одиноких душ, вынужденных по воле рока жить в диаметрально противоположных жизненных условиях, трагедия и драматизм неумолимого одиночества, приравнивание понятий холодного Севера и жаркого Востока.

В переводе В. Брюсова, при всех его достоинствах, несколько теряется проникновенная интонация Г. Гейне. Основные персонажи брюсовского перевода — гордый кедр и прекрасная пальма, которые грезят друг о друге, тогда как немецкий поэт повествует о бесконечно одиноком хвойном дереве, которое мечтает о такой же грустной и одинокой пальме. Семантика слова «кедр» связана с русской действительностью и русским менталитетом, в котором кедр мыслится как могучее, долголетнее дерево лесов Севера. Мотивы грусти и одиночества у В. Брюсова затушеваны, тогда как примечательно, что героиня, о которой грезит герой, так же грустна и одинока, как и она сам, невзирая на то, что она находится в более благоприятных

условиях жаркого и загадочного Востока, однако и там она бесконечно несчастлива, что подчеркивает Г. Гейне и что не отражено в переводе русского поэта. В стихотворении важна также роль природных стихий, которые у Г. Гейне отнюдь не враждебны персонажам, тогда как в переводе В. Брюсова «шумящая вьюга» и «метель», которая «грозно шумит», и «роскошная, но знойная» восточная земля создают атмосферу диссонанса.

Перевод В. Терьяна, на наш взгляд, ближе к первоисточнику: ему удалось точнее передать меланхоличный настрой немецкого текста. В нем вернее расставлены акценты, передана атмосфера нежной грусти и лирической интонации немецкого поэта о невозможности счастья в пустыне и холоде человеческой жизни. В отличие от В. Брюсова, В. Терьян, как и Г. Гейне, показывает грусть не только мужского начала — дерева, но и женского — пальмы. При этом в переводе В. Терьяна, как и в первоисточнике, природные стихии лелеют сон героя, а не вступают с ним в противоборство.

На стыке конца XIX — начала XX вв. в России были также обсуждаемы идеи нищезанства. Установка на переосмысление ценностей, стремление к радикальным изменениям — с определенными оговорками, эти идеи были эмоционально близки символистскому мироощущению с его антиреалистическими устремлениями, тяготением к индивидуализму, стремлением создать новый, «вселенский» язык и писать по-новому. Его желание принципиально обновить мироощущение, утвердить необходимость радикальных преобразований, переоценить ценности, оказалась вполне созвучно потребностям эпохи. Доминантой учения Ницше стал человеческий фактор, который у его последователей зачастую принимал формы эгоцентризма и солипсизма, способствуя зарождению идеалов избранничества. Более того, антиреалистические устремления молодых авторов обрели в свете нищезанства флер новаторства и индивидуализма.

В целом, можно сказать, что носитель ключевых идей философии нищезанства присутствует в ряде произведений В. Брюсова. Ф. Ницше впервые упоминается русским поэтом во

фразе «притче-Ницше», которая была написана 22 марта 1894 г. [Брюсов 1994:860]. Брюсов также перевел ряд фрагментов книги Ф. Ницше «Ессе Номо» (Весы, 1900. № 12 и 1909. № 2).

Концепция сверхчеловека обыгрывается также в ряде произведений, проявляясь то в большей, то в меньшей степени. Нам представляется, что задачи, которые Брюсов как художник ставил перед собой, зачастую требовали сверхчеловеческого напряжения сил: увековечивание своего имени в истории литературы, достижение статуса мэтра, организатора и руководителя нового искусства в России и т.д. Об этом свидетельствуют также заголовки ряда его стихотворных сборников, в частности, «Me eum Esse», «Chefs-d'oeuvre». «Одержимым», человеком «совершенно бешеного честолюбия» называет В. Брюсова З. Гиппиус. Именно так она характеризует его самозавязанность «в тугой узел, той напряженной жажды всевеличия и всевластия», которой он был «одержим».

В определенном смысле идеями ницшеанства овеяны, в частности, строки повести «Последние страницы из дневника женщины»: «Современный человек должен уметь все: писать стихи и управлять электрической машиной, играть на сцене и убивать» [Брюсов 1989:146]; а также стихотворения «Искушение»:

<...> О сердце! В этих тенях века,  
Где истин нет, иному верь!  
В себе люби сверхчеловека... <...>  
[Брюсов т.I:298]

Сам процесс творческого созидания для поэта в определенной степени — способ самоувековечивания. Многие стихотворения автора начинаются с местоимения «я» («...Я вернулся на яркую землю», «Я люблю большие дома», «Я провижу гордые тени...», «Я — мотылек ночной. Послушно...» и т.д.). А в статье «Истины» В. Брюсов отмечает: «<...> мир, как мы его знаем, создан нами» [Брюсов т.VI:58].

В. Брюсов также перевел на русский язык стихотворение Ф. Ницше «Новый Колумб». На армянский язык это произведение Ф. Ницше перевел Акоп Мовсес.



«Der Neue Columbus»

Freundin! — sprach  
Columbus — traue  
keinem Genueser mehr!  
Immer starrt er in das Blaue —

Fernstes lockt ihn allzusehr!

Fremdestes ist nun mir teuer!  
Genua, das sank, das schwand —  
Herz, bleib kalt! Hand, halt das Steuer!  
Vor mir Meer — und Land?  
— und Land?

Stehen fest wir auf den Füßen!  
Nimmer können wir zurück!  
Schaun hinaus: von fernher grüßen  
Uns Ein Tod, Ein Ruhm, Ein Glück!

«Новый Колумб»

/Девы, верить вам не надо  
Генуэзцам никогда.  
Плыть все дальше — нам отрада,  
Наша родина — вода!

Все забыто — страсть и горе,  
Руки держат круг руля.  
Перед нами только море,  
Но за ним — земля? — земля?

Сердце жаждать не устанет.  
Всем далеким — наш привет!

Счастье, слава, смерть нас маняют,  
И назад путей нам нет!

«Նոր Կոլումբոսը»

Կոլումբոսն ասաց.  
ընկերուհիս, միթե  
Այլևս կվստահեն  
Ձենովացուն:  
Նրա այքը միշտ  
կապույտին է,  
Հեռավորն է նրան  
գիրկը բացում:

Ի՞նչ վախ. բաց  
ծովն է իմ դեմ,  
Ձենովան թողիմք  
— այն էլ չկա,  
Քեզ արտիս  
խորքում՝ ես  
կգրավեմ  
Ոսկու երկիր ու  
Ամերիկա:

Մենք պինդ  
կանգնած ենք մեր  
նսրերին:

Երբեք չենք կարող  
էլ դառնալ տուն:  
Հեովից մեզ  
ողջույն են հղում  
խորին  
Մի մահ, մի փառք,  
մի —  
երջանկություն:

Подстрочник

«Подруга!» — сказал Колумб  
Больше не доверяй  
генуэзцу  
Всегда устремляет он  
взор в голубизну  
Даль слишком его манит  
Самый чужой мне сейчас  
дорог.  
Генуя, она погрузилась,  
исчезла  
Сердце, оставайся  
холодным.  
Рука, оставайся у руля.  
Передо мной море, а земля, а земля?

Твердо стоим мы на ногах.  
Никогда не можем мы вернуться.  
Смотрим вдаль.  
Никогда не можем вернуться.  
Нам одна смерть, одна

слава, одно  
счастье.

[Nietzche [там же:681] [Унқулу 2018:55]  
1998:12]

Стихотворение Ф. Ницше в разных изданиях имело различные названия, в частности, «Der Neue Columbus», «Freundin — sprach Columbus...», «Columbus Novus» и было написано в 1882 г.

Образ Колумба привлек немецкого философа. В своем письме немецкому филологу Эрвину Роде Ницше пишет: «<...> А я меж тем продолжаю идти своим путем, по сути это даже плавание — недаром я прожил годы в городе Колумба» [Дружба Народов 2007:№5]. Колумб — символ одиночества, но и в то же время стремления к чему-то неизведанному, первооткрыватель, который в определенной степени близок сверхчеловеку.

При первом прочтении стихотворение Ф. Ницше кажется достаточно простым. Это рассказ о человеке, которому не стоит верить, его всегда манит даль. Однако при более глубоком восприятии этот рассказ трансформируется в повествование о страннике, который не может осесть на одном месте и хранить верность женщине, поскольку он находится в постоянном поиске чего-то неизведанного, того, что, вероятно, он сможет найти лишь за морями, за определенной чертой.

Уже первая строфа стихотворения Ф. Ницше эмоционально сильно окрашена, налицо обилие пунктуационных знаков. Первое обращение — «Freundin!» — персонифицировано, тогда как В. Брюсов использует обобщение и не ставит при этом восклицательный знак: «Девы». Характерно также, что Ф. Ницше ведет повествование от лица Колумба, тогда как В. Брюсов — от лица автора. А. Мовсес в переводе на армянский язык точно воспроизводит идею Ницше: «Շրժվմբուն ւաւց. ընկերուհի». Сохранено как повествование от лица Колумба, так и обращение к конкретной девушке.

Строки «Immer startt er in das Blaue / Fernstes lockt ihn allzusehr!» В. Брюсов переводит «Плыть все дальше — нам

отрада, / Наша родина — вода!». Следует выделить достаточно существенную деталь: в стихотворении Ф. Ницше не фигурирует понятие родина как таковое. Его лирический герой — странник, изгнанник, тогда как В. Брюсов, вводя понятие родины, как бы привязывает героя к корням, что не ощущается в первоисточнике. Дословный перевод: «Всегда всматривается он в синеву, / Даль его манит чрезмерно».

И если герой в интерпретации В. Брюсова хоть где-то, вдали, на море, чувствует себя на родине, то ницшеанский Колумб лишен этого ощущения. Даль, морская синева лишь манят его неприкаянную душу, но не дают ему ощущения стабильности, родного очага. А. Мовсес опять же верно передает идею первоисточника «Նրա աչքը միշտ կապույտին է, / Հեռավորն է նրան գիրկը բացում».

Первые две строки второй строфы в переводе В. Брюсова — «Все забыто — страсть и горе, / Руки держат круг руля» — говорят о том, что герой переборол все прожитое, он свободен от желаний и полностью сосредоточился на манящих далях. В первоисточнике же — «Fremdestes ist nun mir teuer! / Genua, das sank, das schwand» (Самое чужое для него теперь дорого / Генуя, она погрузилась, исчезла). Ф. Ницше использует прилагательное «fremd» в превосходной степени в форме существительного. Тем самым усиливается ощущение бесприютности героя и его отдаленности от корней, что, на наш взгляд, подчеркивается использованием имперфекта «sank», который в немецком обозначает «падать», причем не только в прямом, но и в переносном смысле — Генуя, родной край, исчез, возможно, перестал существовать для него, потерял свое значение. Драматичная интонация болезненного отречения от Родины, однако, в переводе В. Брюсова трансформируется в интонацию полного преодоления прошлого, что особенно подчеркивается фразой «Все забыто — страсть и горе». «Ինչ վախ. բաց ճոպն է իմ դեմ, / Ջենովան թողնիս — այն էլ չկա», переводит А. Мовсес. Армянский переводчик опускает болезненное признание героя о близости отдаленного и неизведанного и об отдалении от родного, при этом, однако,

сохраняя название родного города.

Третья и четвертая строки второй строфы оригинала — «Herz, bleib kalt! Hand, halt das Steuer! / Vor mir Meer — und Land? — und Land?» изобилуют пунктуационными знаками, которые, однако, не отображены в переводе В. Брюсова. Герой Ф. Ницше наполняет надрывом свой призыв к сердцу, — оставайся холодным! — и к руке — оставайся на руле! Полные драматизма призывы отринуть все страсти и сомнения и, несмотря ни на что, вывести свое судно в неизвестность, в переводе русского поэта звучат как уже свершившийся факт: «Все забыто — страсть и горе / Руки держат круг руля». В русском переводе фактически утеряна мысль о том, что для достижения цели герою нужно перебороть прошлое и преодолеть человеческие страсти. «Քեզ արտի խորրով՝ եւ կորալիւ / Ուկոն երկիր ու Աւերիկա» — перевод на армянский достаточно далек от оригинала. Ницшеанский Колумб хочет отречься от сердечных привязанностей, а не нести в себе образ Родины, прошлого, которое он пытается забыть. Его манят дали, неизведанное, возможность забыть прошлое, тогда как в переводе А. Мовсеса герой стремится «завоевать страну золота и Америку». На наш взгляд, здесь налицо явное смещение акцентов.

«Stehen fest wir auf den Füßen?» (Стоим мы крепко на ногах?) — с вопроса начинается финальную строфу своего стихотворения Ф. Ницше, за которой сразу же следует строка, завершающаяся восклицательным знаком — «Nimmer können wir zurück!» (Мы никогда не сможем вернуться!). Герой Ф. Ницше не уверен в будущем, в успехе своего предприятия, эта неуверенность касается всех его попутчиков, неслучайно автор использует множественное число и сразу же оговаривает, что назад пути нет! В. Брюсов не переводит эту строку, добавляя вместо нее не вполне вписывающуюся в контекст фразу «Сердце жаждал не устанет». «Մենք պի՛ն կա՛նգնա՛ծ ենք մեր ոտքերի՛ն: / Երբեք չենք կարող ել դա՛նալ տուն» — в армянском переводе, как нам кажется, вернее передает ощущения ницшеанского персонажа.

«Schaun hinaus: von fernher grüßen / Uns Ein Tod, Ein Ruhm,

Ein Glück!» — финальные строки стихотворения Ф. Ницше утверждают противоречивость той смутной цели, которая ожидает Колумба: смерть, слава, счастье. Смысловый ряд начинается с негативной коннотации — смерть — и заканчивается заключенным в абсолюте позитивом — счастье. В переводе В. Брюсова последовательность нарушена, причиной тому, безусловно, может быть и рифмовка, однако изменение последовательности конечных целей в русском переводе — счастье, слава, смерть — также несколько смещает акценты. Армянский перевод А. Мовсеса практически дословно воспроизводит идею первоисточника и сохраняет последовательность целей — смерть, слава, счастье: «Հեռվից մեզ ողորկն են հղում խորին / Մի մահ, մի փառք, մի — երջանկություն». Как в немецком тексте, так и в армянском переводе ощущается осознание того, что после неуверенности, сомнений дальняя дорога первооткрывателя увенчается счастьем, тогда как финал брюсовского перевода несколько иной.

Подводя итоги, отметим, что стихотворение Ф. Ницше изобилует тончайшими нюансами, оно эмоционально сильно окрашено, это повествование о своего рода сверхчеловеке, преодолевающем себя, стремящемся в неизвестность и открывающем новые горизонты. Как перевод В. Брюсова на русский язык, так и перевод А. Мовсеса на армянский в целом верно передают основную идею стихотворного произведения Ф. Ницше, однако они не вполне точны в плане передачи тончайших оттенков эмоций и чувств.

## ЛИТЕРАТУРА

Берковский Н.Я. [Вступительная статья] // Гейне Г. Книга песен. Переводы русских поэтов. М.: ГИХЛ, 1956.

Брюсов В.Я. Избранная проза. М.: Современник, 1989.

Брюсов В.Я. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза / Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. В.Э. Молодякова. М.: ТЕРРА, 1994.

Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 тт. М.: Худож. лит., 1973–1975. Т. I. М., 1973. Т. VI. М., 1975.

Весы. 1900. № 12.

Весы. 1909. № 2.

Ницше Ф. Беспокоиться предстоит не обо мне, а о тех вещах, ради которых я здесь. Письма разных лет // Дружба народов, 2007. № 5.

Ֆ. Նիցշե, Երկեր 5 հատորով: Հ. 5/2; Գերմ. թարգմ.՝

Հ. Մովսես, Երևան: Անտարես, 2018:

Տերյան Վ.Ս. Երկերի ժողովածու: Հատ. II, Երևան: Հայաստան, 1973:

Nietzsche, F.: KSA 10. Nachgelassene Fragmente 1882–1884, Berlin: De Gruyter, 1999.

**DIANA SARAFYAN, LIANA SAFARYAN — LINGUISTIC AND STYLISTIC PECULIARITIES OF TRANSLATIONS OF «EIN FICHTENBAUM» BY HEINRICH HEINE AND «DER NEUE COLUMBUS» BY FRIEDRICH NIETZSCHE MADE BY VALERY BRUSOV AND ARMENIAN TRANSLATORS**

The article deals with a comparative analysis of translations of «Ein Fichtenbaum» by Heinrich Heine and «Der neue Columbus» by Friedrich Nietzsche made by Valery Brusov into Russian and Vahan Teryan and Hakob Movses into Armenian. Comparing the translations of «Ein Fichtenbaum» by Heinrich Heine made by Valery Brusov (in Russian) and Vahan Teryan (in Armenian) the authors of the article conclude that the Armenian translation is closer to the verse by H. Heine. In contrast, the Armenian translation of «Der neue Columbus» by Friedrich Nietzsche differs from the German primary source. Valery Brusov couldn't convey all the tiniest shades of Nietzsche's verse.